

Войдя внутрь, врач и медсестры вышли вслед за ними.

Мать Шэнь, как и говорил предыдущий доктор, была в сознании.

Кислородную маску уже сняли, и теперь в ее глазах, устремленных на Шэнь Цинвэй, читались безграничная нежность и тоска.

— Малышка Вэй...

Шэнь Цинвэй быстрыми шагами подошла к кровати, схватила ее протянутую руку и звонко отозвалась:

— Я здесь.

Хотя она твердила себе, что должна улыбаться, что нужно сохранять бодрый вид перед матерью, стоило ей ощутить исхудавшую, похожую на птичью лапку руку, как слезы сами собой брызнули из глаз, застучав крупными каплями.

— Не плачь, не о чем тут плакать, — проговорила мать Шэнь. — Знаешь, на душе у меня сейчас так легко и радостно. Только что я видела твоего отца, и он сказал... что если я задержусь, он уйдет один. И все же... сейчас на сердце у меня... единственное, о чем я тревожусь, — это ты.

— После того как мама уйдет, заботься о себе, ешь вовремя, высыпайся. И смотри мне... не засиживайся по ночам в телефоне, это вредно для глаз, слышишь?

— Слышу, слышу. Я все знаю.

Мать Шэнь изо всех сил приподняла руку, погладила ее по щеке и с улыбкой произвела:

— Как жаль, я так и не увидела твоего будущего мужа...

Сердце Шэнь Цинвэй сжалось от боли, но на лице она изобразила смущение:

— Мама, что ты такое говоришь?!

Высказав всё, что было на душе, мать перевела взгляд и заметила в комнате еще одного человека.

Увидев Чжао Синюэ, она слабо улыбнулась.

— Какая красивая... девушка.

Едва затихли эти слова, как кривая сердечного ритма на мониторе внезапно вытянулась в прямую линию.

Под пронзительный писк аппарата Шэнь Цинвэй понадобилось немало времени, чтобы осознать произошедшее.

Она рухнула на тело матери и зарыдала в голос.

— Мама, мама...

Похороны Шэнь Цинвэй помогла организовать Чжао Синюэ.

Дедушки и бабушки Шэнь Цинвэй с обеих сторон давно ушли из жизни, и у семьи Шэнь почти не осталось родственников. На похороны пришли лишь несколько соседей, с которыми они дружили долгие годы. Они оставили деньги в знак соболезнования, глядя на заплаканную Шэнь Цинвэй, и, не зная, как ее утешить, лишь тяжело вздыхали, зажигали благовония в память о матери Шэнь и уходили.

Место на кладбище было выбрано заранее — прямо рядом с могилой отца Шэнь.

В день погребения пришла Чжао Синюэ. Шэнь Цинвэй стояла рядом с ней, облаченная в черное платье, с траурной повязкой из белой пеньки на руке. Выражение ее лица было спокойным, и лишь два покрасневших и опухших глаза выдавали, какому исступлению предшествовало это мнимое спокойствие.

Она прижалась к плечу Чжао Синюэ и еле слышным голосом произмела:

— У меня больше нет мамы.

В этом мире стало еще меньше людей, на которых она могла бы положиться.

Чжао Синюэ ничего не ответила; ее взгляд был прикован к двум призрачным силуэтам, стоявшим у могилы.

Это были мужчина и женщина, оба совсем молодые, на вид лет тридцати. Мужчина в строгом костюме, высокий, худой и утонченный, в очках в тонкой оправе, выглядел как интеллигентный юноша; женщина была одета в ярко-красное цветастое платье и счастливой улыбкой прижималась к его плечу, держа под руку.

Оба они улыбались Чжао Синюэ и Шэнь Цинвэй.

Позади них знакомый Призрачный гонец слегка кивнул Чжао Синюэ.

Призрачный гонец произнес:

— Владыка Подземного Царства услышал о вашем деле и милостиво разрешил обоим вернуться в мир живых, чтобы в последний раз повидаться с дочерью.

Чжао Синюэ ответила:

— Благодарю за труды.

Уходя, уже на самом краю кладбища, Шэнь Цинвэй вдруг словно что-то почувствовала и обернулась.

Она помахала рукой в пустоту, и Чжао Синюэ увидела, как отец Шэнь и Мать Шэнь, которых забирал Призрачный гонец, тоже машут в эту сторону.

Шэнь Цинвэй громко крикнула:

— Папа, мама, прощайте!

Отец Шэнь и Мать Шэнь отозвались:

— Прощайте.

Закончив со всеми делами, Шэнь Цинвэй обнаружила, что до конца отпуска, предоставленного ей Чжао Синюэ, оставалась еще целая неделя.

Чжао Синюэ полагала, что та потратит эту неделю на то, чтобы прийти в себя, однако на следующий день она неожиданно встретила Шэнь Цинвэй в офисе.

Чжао Синюэ спросила:

— Почему не отдохнула еще пару дней?

Шэнь Цинвэй лукаво улыбнулась ей:

— Отдыхать хватит, пора и за работу браться. Я ведь все еще должна директору Чжао двадцать лет жизни, если стану лентяйничать, придется продать себя вам в рабство.

Чжао Синюэ игриво приподняла ее подбородок, окинула оценивающим взглядом и вынесла вердикт:

— А девица весьма хороша собой. Если согласишься пойти со мной, долг можно и простить.

Шэнь Цинвэй присела в шутовом традиционном поклоне:

— Тогда служанка благодарит господина.

Дзинь-дон...

Прибывший лифт прервал представление двух заигравшихся актрис.

Обменявшись понимающими улыбками, Шэнь Цинвэй и Чжао Синюэ вошли в свои лифты.

Они пришли рано, и остальные сотрудники еще не явились на работу. Войдя в лифт, Шэнь Цинвэй осталась совсем одна.

Лицо её переменялось практически мгновенно.

Улыбка в глазах исчезла в тот же миг, а в глубине затаилась неудержимая скорбь. Она посмотрела на своё отражение в зеркале с растерянным выражением лица.

Боль от потери близких не так-то просто рассеять, но человек мертв, а жизнь должна продолжаться. Шэнь Цинвэй трезво оценивала ситуацию: она не могла позволить себе утонуть в боли от утраты матери — страдание вызывает привычку, и чем сильнее предаешься воспоминаниям, тем труднее из них выбраться. Единственный способ избавиться от боли — принудительный отказ от неё.

Когда повседневная суэта не оставляет времени даже перевести дух, трудно вспоминать о тех возвышенных страданиях, что далеки от обычных земных забот.

Лифт открылся, и Чжао Синюэ вышла наружу. Переступив порог собственного кабинета, она машинально бросила взгляд на другую кабину лифта.

Сквозь стекло было видно, как Шэнь Цинвэй с трудом поднимается на ноги, поправляет перед зеркалом макияж, заставляет себя выдавить улыбку, а затем с расправленными плечами, словно женщина-воин, уверенно шагает вперёд.

Чжао Синюэ тихонько усмехнулась: похоже, она недооценила Шэнь Цинвэй.

Утренние часы, помимо решения корпоративных вопросов, Чжао Синюэ полностью посвятила наблюдению за Корпорацией Чжоу.

Подобно тому как Корпорация Чжоу не могла справиться с ней, попытка Чжао Синюэ расшатать Корпорацию Чжоу тоже таила немалые трудности.

Обе компании были гигантами с огромным штатом сотрудников и невероятно разветвленными связями. Стоило тронуть одну ниточку, как задрожало бы всё полотно. Нанося удар по отцу и сыну из семьи Чжоу, Чжао Синюэ приходилось учитывать интересы ни в чем не повинных людей внутри корпорации и действовать не только по велению сердца.

Приглядевшись, она обнаружила, что этот внебрачный сын, приглянувшийся Отцу Чжоу, — просторобейная птица высокого полета. Непонятно, чей именно биологический отец передал ему столь выдающиеся гены, но этот пробившийся наверх незаконнорожденный сын интриговал куда искуснее, чем Чжоу Юнцзя.

Всего за пару дней в компании он успел заслужить всеобщие похвалы, и его репутация была куда лучше, чем слава деспота, закрепившаяся за Чжоу Юнцзя в Корпорации Чжоу.

Отец Чжоу был доволен им с каждым часом всё сильнее и готов был хоть сию минуту переписать завещание, передав права на наследование в его руки.

Хотя Чжоу Юнцзя лежал в больнице, от него не ускользало ничего из происходящего в внешнем мире. Узнав, что у него появился братец, который вот-вот займет его статус наследника, он устроил в больничной палате страшный скандал и разнес в щепки всё, что попадалось под руку.

Всего лишь ублюдков, какое он имеет право со мной тягаться?

А отец? Разве он не говорил, что Чжоу Юнцзя — его единственный наследник?

В глубине души он возненавидел обоих мужчин.

Яростно крича в больнице, Чжоу Юнцзя бушевал: Чжоу Шикай, Чжоу Юнцзи, я сделаю так, что вы сдохнете в мучениях!

Чжоу Шикай — так звали Отца Чжоу, а Чжоу Юнцзи — того самого незаконнорожденного брата, чья угроза казалась Чжоу Юнцзя столь серьезной.

Чжао Синюэ ничуть не удивлялась, слыша такие слова из уст Чжоу Юнцзя.

Для тех, в ком совершилось перерождение злого духа, не существовало понятий кровных уз и семейной привязанности. Стоило им решить, что кто-то их предал — будь то родители или дети, — эти люди неминуемо сталкивались с жесточайшей бурей мести.

Даже если речь шла о простом недоразумении, после расправы в сердцах таких людей не возникало и тени раскаяния; самое большее, они думали лишь о том, что жертве просто не повезло — кто просил её вызывать у него подозрения?

По правде говоря, Отец Чжоу вел себя с Чжоу Юнцзя весьма неплохо. Пусть он и отличался некоторой ветреностью, но этому сыну, рожденному от законной жены, всегда и во всем

потакал.

Он четко разделял жизнь внутри семьи и за её пределами: законнорожденные дети оставались законнорожденными, а внебрачные — внебрачными.

Он выделял внебрачным детям деньги на жизнь, но никому из них не позволял даже надеяться на Корпорацию Чжоу.

Именно поэтому, несмотря на бесчисленных внебрачных отпрысков и среди них — куда более достойных по характеру и уму, чем Чжоу Юнцзя, — последний неизменно прочно удерживал кресло президента Корпорации Чжоу. Дело было не в том, что его нельзя заменить, а в том, что Отец Чжоу никому не давал шанса занять его место.

Если бы не таинственные муки, изводившие Чжоу Юнцзя и грозившие превратить его в калеку, отец никогда бы не пустил на порог внебрачных детей.

Да и даже в нынешней ситуации он не собирался полностью списывать Чжоу Юнцзя со счетов. Когда Чжоу Юнцзя пришел в компанию, ему поручили самую черновую работу: хотя справлялся он блестяще, Отец Чжоу вовсе не спешил его продвигать. Он был еще молод и мог подождать: если бы Чжоу Юнцзя пошел на поправку, отец вернул бы его на пост президента Корпорации Чжоу, и лишь в том случае, если бы сын окончательно потерял надежду на выздоровление, он выдвинул бы Чжоу Юнцзя.

И в то время как Чжоу Юнцзя проклинал отца и брата, сам Чжоу Юнцзя, пришедшийся ему братом, точно так же ненавидел этого так называемого старшего брата и своего номинального отца. Он даже не подозревал, что не является родным сыном Отца Чжоу. По его мнению, они с Чжоу Юнцзя были такими же сыновьями отца, но тот проявлял столь вопиющее предвзятое отношение, что это казалось поистине несправедливым.

Чжоу Юнцзя был уже совершенно бесполезен, однако отец всё ещё возлагал на него надежды. Сам же он изо всех сил старался выложиться по максимуму в компании и заслужил всеобщее признание, но в ответ получал лишь давление и притеснения. Где на свете видано, чтобы отец был предвзят до такой степени?

Глядя на внутреннюю борьбу троих отца и сыновей, Чжао Синюэ лишь слегка приподняла уголки губ. Скверна, которую она оставила в теле Чжоу Юнцзя, всё же не принадлежала миру смертных и спустя какое-то время должна была рассеяться сама собой. Хотя нанесённый телу Чжоу Юнцзя ущерб уже стал свершившимся фактом, продолжать причинять ему боль с помощью манипуляций со скверной было больше нельзя. А это означало, что ещё через какое-то время полностью «восстановивший» силы Чжоу Юнцзя вернётся в Корпорацию Чжоу.

С характером Чжоу Юнцзя он ни за что не согласился бы по доброй воле вернуть Чжоу Юнцзя то, что уже успел получить, прочувствовав вкус власти. В свою очередь, Чжоу Юнцзя, восстановив здоровье, тоже не смог бы спокойно смотреть, как вещи, по праву принадлежащие ему, оказываются в чужих руках.

Находясь в больнице, тот мог лишь строить Чжоу Юнцзя мелкие пакости, но возвращение в компанию должно было стать его главным полем боя.

Чжао Синюэ чувствовала, что уже может предвидеть грядущее чистилище в Корпорации Чжоу.

Она лишь надеялась, что междоусобная борьба отца и сыновей не затронет обычных сотрудников Корпорации Чжоу. Иначе, при всех масштабах Корпорации Чжао, она не занималась благотворительностью, чтобы подбирать кого попало.

Конечно, если среди них найдутся способные люди, готовые оставить тьму ради света, она встретит их с распростёртыми объятиями.

Разобравшись с Корпорацией Чжоу, Чжао Синюэ вновь перевела взгляд на Шэнь Цинвэй.

В свой первый рабочий день Шэнь Цинвэй крутилась как белка в колесе.

Правда, настоящей работы ей досталось немного — в основном она выполняла всякую мелкую рутину.

— Цинвэй, распечатай-ка мне эти материалы, тридцать шесть экземпляров. Распечатаешь — просто положи на мой стол, понадобятся для совещания через пару минут.

— Цинвэй, мне тут скоро доставят курьера, сходи заодно на ресепшн, заberi, пожалуйста.

— Цинвэй...

Цинвэй, Цинвэй, Цинвэй.

Шэнь Цинвэй никогда прежде не казалось, что её имя обладает такой магической силой. Стоило ей сейчас закрыть глаза, как в голове звучали только голоса окружающих, зовущих её.

Новые туфли давно стерли ноги в кровь, но жаловаться на боль было некогда. И когда старшие коллеги сваливали на неё всю эту мелочь, Шэнь Цинвэй, как бы ни кипело раздражение в душе, всё равно должна была с улыбкой принимать чужие обязанности.

На новом месте у всех так... — мысленно утешала она себя. Разве в Корпорации Чжоу она сама не разносила чай и воду, больше месяца перебиваясь ролью «девочки на побегушках», прежде чем смогла чему-то научиться у старших наставников?

Трудности в начале были вполне закономерны.

Дзинь-дзинь...

В офисе зазвонил телефон.

— Цинвэй, возьми трубку, — бросил кто-то, даже не поднимая головы.

Шэнь Цинвэй впопыхах отложила свои бумаги, зажала телефон плечом:

— Здравствуйте, это Корпорация Чжао...

— Шэнь Цинвэй, живо ко мне в кабинет.

А?

Шэнь Цинвэй широко раскрыла глаза. Она обеими руками вцепилась в трубку и даже не заметила, как бумаги, прижимаемые к груди, рассыпались по полу.

— Д-директор Чжао.

Одно лишь словосочетание «директор Чжао» подействовало словно ключевая фраза: бесчисленные пары загоревшихся любопытством глаз тут же устремились на неё.

Не обращая внимания на чужие взгляды, Шэнь Цинвэй продолжала говорить с Чжао Синюэ по телефону:

— Прямо сейчас? Директор Чжао, что-то случилось?

Чжао Синюэ нетерпеливо бросила:

— Велела подняться — так поднимайся, чего разводишь пустые разговоры.

Уловив в её голосе злость — хотя и не понимая причины, — Шэнь Цинвэй поспешно затараторила:

— Хорошо-хорошо-хорошо, директор Чжао, я сию минуту поднимаюсь.

Что бы там ни было, сначала требовалось успокоить начальство.

Она повесила трубку и только тогда заметила сияющие взгляды новых коллег.

— Директор Чжао тебя ищет? Что сказала, по какому поводу?

— Директор Чжао вызывала тебя лично или кого-то из нашего отдела?

— С чего это директор Чжао вдруг решила позвонить?

Сама Шэнь Цинвэй понимала в ситуации не больше остальных. Она виновато улыбнулась коллегам:

— Директор Чжао ничего мне по телефону не объяснила, просто велела зайти в её кабинет. Если появится какое-то поручение, я обязательно всем вовремя доложу.

К ним подошел начальник отдела:

— Всё, хватит тут толпиться, займитесь делом. Шэнь Цинвэй, разве директор Чжао не звала тебя? Чего стоишь, поднимайся давай.

Шэнь Цинвэй:

— Сейчас, сию минуту!

С замирающим и тревожным сердцем Шэнь Цинвэй нажала кнопку лифта, ведущего на самый верхний этаж.

Находясь в кабине, она невольно гадала: зачем понадобилась Чжао Синюэ? Судя по голосу, та была явно не в духе — неужели она совершила какой-то промах? Вдруг её уволят?.. Стоп-стоп-стоп, Шэнь Цинвэй, хватит накручивать себя, ты ведь прошла официальное собеседование, с чего бы Чжао Синюэ увольнять тебя вот так просто?

Успокаивая себя подобным образом, она добралась до дверей кабинета Чжао Синюэ, но у неё не хватило смелости даже постучать.

Секретарь ободряюще посмотрела на неё и тихо произнесла:

— Держись.

Шэнь Цинвэй ответила на проявленную доброту робкой улыбкой, глубоко вздохнула и, словно отправляясь на плаху, постучала в массивную дверь.

Изнутри раздался чуть с хрипотцей женский голос среднего тона:

— Войдите.

Шэнь Цинвэй выпустила накопившийся в груди воздух и осторожно толкнула дверь.

Кабинет Чжао Синюэ оказался огромным и был условно разделён на две зоны: гостевую и рабочую.

В гостевой зоне стояли комплект мягкой мебели и журнальный столик, на котором красовался термос с оздоровительным чаем. В рабочей зоне находился большой письменный массивный

стол из красного дерева. На нём не было никаких привычных безделушек — помимо компьютера, папок с документами и чашки для воды, там не стояло абсолютно ничего.

Позади стола возвышался массивный книжный шкаф, до отказа заставленный толстыми фолиантами. Книги пестрели заголовками на китайском, английском и множестве других незнакомых Шэнь Цинвэй языках.

Бегло окинув взглядом кабинет, Шэнь Цинвэй подошла прямо к письменному столу, сложила руки перед собой — классическая поза провинившегося ученика — и тихо произнесла:

— Здравствуйте, директор Чжао.

Ответа не последовало.

Подняв голову, она увидела, что Чжао Синюэ полностью погружена в чтение газеты. Выражение лица начальницы было точно таким же, как в момент её входа, — даже бровь не дрогнула.

Решив, что та её просто не услышала, девушка робко повторила:

— Директор Чжао?

На этот раз реакция всё же последовала.

Правда, ограничилась лишь тидым мычанием:

— Мм.

Ясно. Теперь Шэнь Цинвэй окончательно убедилась, что гнев, услышанный ею по телефону, ей вовсе не послышался — Чжао Синюэ и впрямь была зла.

Хоть она и не понимала, в чём провинилась, раз уж верховный босс не в духе, оставалось лишь покорно стоять на месте.

Опустив голову, Шэнь Цинвэй стояла у стола и нервно ковыряла ногти, проклиная себя за то, что надела на работу новые туфли. Мало того что задники стерли ноги в кровь, ей казалось, что переднюю часть стопы сейчас просто расплющит.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием газетных страниц, которые Чжао Синюэ время от времени переворачивала.

Снаружи послышался стук в дверь. На разрешение войти секретарша толкнула дверь и положила на стол папки с документами, а уходя, бросила на Шэнь Цинвэй странный,

оценивающий взгляд.

Что тут происходит?

Она ведь никогда раньше не видела, чтобы директор Чжао наказывала людей подобными методами?

Что случилось? — беззвучно шевеля губами, осторожно поинтересовалась та.

Шэнь Цинвэй едва заметно покачала головой: *Я сама не знаю.*

Чжао Синюэ:

— Кхе-м.

Секретарша невольно ускоритель шаг и бегом выскользнула из кабинета.

Шэнь Цинвэй опустила голову, её лицо приобрело еще более смиренное выражение.

Фан-клуб Чжао Синюэ:

Мань-цзе: @Ли Сысы, что там у вас в отделе с Шэнь Цинвэй? Я смотрю, её вызвали в кабинет к директору Чжао, и она торчит там уже минут двадцать.

Ли Сысы: Понятия не имею, наш отдел тоже в недоумении. Директор Чжао просто позвонила и велела ей подняться, ничего не объясняя.

Кто-то спросил: Неужели эта Шэнь Цинвэй натворила дел?

Ли Сысы: Да ну, с чего бы? Она вышла на работу только сегодня утром и ещё вообще ничего не успела сделать. Чтобы натворить дел, нужно сначала хоть за какую-то работу взяться.

Она отметила секретаршу: Мань-цзе, что там вообще творится, приоткрой завесу тайны.

Мань-цзе: Буддисты говорят: об этом нельзя говорить, об этом нельзя говорить.

Внутри кабинета.

Хотя Чжао Синюэ делала вид, что увлечена чтением газеты, её внимание было приковано к изображению Шэнь Цинвэй на экране перед ней.

Высокие технологии Подземного царства позволяли наблюдать за объектом под любым углом без единой мертвой зоны, поэтому она с легкостью разглядела все эмоции на лице девушки.

Чжао Синюэ отложила газету:

— Чего скривилась, обидно?

Шэнь Цинвэй надула губы:

— Не смею.

Чжао Синюэ:

— Тогда для кого ты строишь недовольные мины?

Шэнь Цинвэй:

— Ноги болят.

Чжао Синюэ машинально опустила взгляд на её туфли и, сверившись с изображением на мониторе, без труда разглядела стертые в кровь пятки и вжатые в носки обуви пальцы ног.

Она слегка приподняла подбородок, жестом предлагая Шэнь Цинвэй присесть.

Будь то суд или расправа — лезвие наконец опустилось.

Шэнь Цинвэй с облегчением выдохнула, торопливо придвинула стоявшего рядом стула и села. Колени вместе, спина прямая, руки на коленях — она застыла с послушным видом, устроившись правильнее любого детсадовца.

<http://bllate.org/book/21453/2192825>